

Е. Н. Шульга

Философия сознания: методологические инварианты исследования*

Проблема сознания и философия сознания

Рассматривая сознание с целью выяснения и обоснования возможных подходов к его исследованию важно отметить тот уровень сложности самой проблематики человеческого сознания, который обуславливает многообразие позиций, концепций и теорий. Осветить все существующие концепции сознания, по-видимому, невозможно в силу практической неисчерпаемости самого проблемного поля. Тем не менее, обладая доступом к новейшим теоретическим разработкам в этой (и смежной с ней) области исследований, такого рода описание все же может быть весьма продуктивным. В особенности в связи с появлением в последнее время как в зарубежной, так и в отечественной литературе серьезных философских работ, развивающих традиционные подходы, а также раскрывающих новые, ранее неисследованные аспекты проблемы сознания.

В первую очередь следует отметить среди них работы тех авторов, которые рассматривают сознание в контексте продолжающегося поиска фундаментальных оснований деятельности человеческого мышления. Среди зарубежных исследователей это Д.Деннетт, П.Черчленд, Ф.Крик, Р.Пенроуз, Дж.Эдельман, Дж.Серль, Д.Чалмерс, К.МакГинн, Дж.Ким и др. В работах этих авторов (как, впрочем, и в исследованиях наших соотечественников) большое внимание уделяется описанию деятельности головного мозга, его нейрофизических и нейропсихических функций, а также философскому осмыслению

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Философия сознания: перспективы развития и возможные ограничения», проект № 04–03–123а.

фундаментальных принципов и подходов к исследованию природы сознания, описанию структуры и функции сознания средствами философии. При этом философы, которые в своих концептуальных построениях опираются на конкретно-научный материал, приходят к важному выводу, касающемуся перспектив философского анализа результатов исследования мозга и сознания, выдвигая основополагающие тезисы и предлагая различные концептуальные модели происхождения, становления и развития сознания. Речь идет не столько о гипотетической возможности построения некоей *единой теории* сознания (например, естественнонаучной теории сознания или «науки о сознании»), сколько о развитии *философии сознания*, которая, не отвергая значение естественнонаучных результатов, сохраняет высокий статус философского обобщения этого знания и осмысления его значения для решения загадки сознания.

Ценность философских инноваций, касающихся философии сознания, соизмерима с той достаточно реалистической (порой критической) оценкой современного состояния науки, которое мы обнаруживаем у этих философов. Дело в том, что, «в распоряжении исследователей, — как подчеркивает, в частности И.П.Меркулов, — оказался огромный массив информации о функционировании когнитивной системы человека, несопоставимый по своему объему и достоверности с теми знаниями, которые были накоплены человечеством в течение предшествующих тысячелетий»¹.

Появились принципиально новые экспериментальные методы исследования головного мозга. Существенные изменения произошли и в философской методологии исследования сложного функционирования когнитивной системы человека. Этой совокупностью объективных причин и обстоятельств объясняется наметившаяся тенденция в развитии философской мысли, в частности возросший интерес к указанной тематике, о чем свидетельствует появление различных и/или даже конкурирующих между собой современных концепций сознания. И хотя многие современные исследователи отдают себе отчет в том, что трудность выработки единого или единственного подхода к сознанию обусловлена трудно схватываемой сущностью этого феномена (по природе своей многоаспектного), свою задачу каждый из них видит в решении вопросов, близко стоящих на пути понимания сознания. Поэтому понимание сущности сознания раскрывается либо через рассмотрение того, что сопровождает наше сознание (например, виды психики), либо к пониманию природы сознания пытаются прийти посредством изучения других когнитивных способностей или психических свойств (воля, эмоции, воображение,

интеллект, мышление, язык, знание и т.д.). Достаточно указать на работы в этой области Дэниела С. Деннета, Гильберта Райла, Энрике Вильянуэва, а также на труды некоторых отечественных ученых: А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурия, Р.М.Грановской и философов, новейшие исследования которых в области эпистемологии сопряжены с обоснованием когнитивного подхода к сознанию, с познанием его информациональной природы и выявлением методов активизации творческого мышления (И.П.Меркулов, И.А.Бескова, А.С.Майданов, Е.Н.Князева, И.А.Герасимова)².

Предложить наиболее адекватную теорию, пригодную для философского обоснования целостной (или, например, единой) теории сознания (если допустить реальность таковой!) — дело довольно сложное и в настоящее время вряд ли осуществимое. Тем не менее знакомство с философскими работами этого направления исследований позволяет уже сейчас сделать некоторые предварительные выводы в отношении сложившейся ситуации с проблемой сознания. Итак, можно констатировать, что, с одной стороны, обширные экспериментальные данные о специфике деятельности головного мозга являются побудительным мотивом для формулирования новых гипотез происхождения сознания и понимания его природы. С другой стороны, наблюдается интерес к проблеме сознания со стороны философов, которые выдвигают собственные модели сознания или подвергают критике те или иные концепции сознания, в том числе и собственно философские концепции. При этом критика философской составляющей той или иной концепции сознания выглядит зачастую более убедительной, нежели сами результаты конкретно-научного исследования феномена сознания и его функций. Кроме того, исследователи, посвятившие себя изучению основных доктрин и центральных понятий философии сознания, сталкиваются с таким потоком публикуемой литературы, что не только сам объем информации, но и характер публикуемых исследований стремительно меняется, и меняется гораздо быстрее, чем ее в состоянии комментировать философ, методолог или историк науки.

Все названные объективные обстоятельства ни в коем случае не снижают значения философского рассмотрения самой проблематики сознания, сколь сложной для получения однозначных выводов она бы ни представлялась; актуальным является также (именно в силу сложности предмета исследования) поиск альтернативных подходов, сопровождающий становление и развитие теории сознания в ее ретроспективе. В этом последнем случае ценность философско-методологического анализа состоит в выявлении тех парадигм сознания, ко-

торые могут быть выделены (и формулируются) и по отношению к которым формируется круг собственно философских проблем. Более того, формируется относительно самостоятельная философская проблематика, аспекты которой рассматриваются как сопровождающие формирование концепции сознания или даже вступающие в круг проблемы мышления и сознания.

Такой ракурс постановки вопроса подразумевает следующее. Если программа исследования указанной проблематики достаточно неопределенна (а для изучения феномена сознания это вполне характерно), то возникают трудности сугубо философского характера. По этой причине на первое место выдвигается задача определения методологического статуса выбираемого нами подхода. Основанием подобного методологически обоснованного подхода может служить философская позиция, которую сам исследователь отстаивает, или та цель, которую он формулирует. Это значит, что любые определения, с которых начинается исследование сознания или круг проблем, его сопровождающих, оказывается отягощенным в равной степени и философскими проблемами. Преодолению философских трудностей в построении любых (в том числе междисциплинарных) концепций или теорий сознания способствует та внутренняя позиция самого исследователя, на которой он настаивает и которая, как правило, отражает уровень знания и реальное состояние научного знания в рассматриваемой области на текущий момент. Это, безусловно, не исключает и влияние (неявного, завуалированного или скрытого) философских, методологических или каких-то иных установок, предпочтений или даже теоретических заблуждений.

Однако в случае формулирования оснований современной философии сознания следует учитывать, что характер рассматриваемого материала и направленность самой проблематики (например, идея коэволюции сознания и обоснование, в котором она нуждается) превосходит возможности исследований, предпринимаемых усилиями отдельных ученых или небольших коллективов. Поиск ведется по многим направлениям и в разных областях науки. Например, психологи рассматривают сознание как фундаментальную проблему психологии. Биологи изучают становление сознания в контексте жизни, эволюции живого и встроенности сознания в структуру реальности. Иначе говоря, происходит чрезмерная специализация предмета исследования, сужение поля зрения, при котором теряется сама перспектива исследования такого глобального феномена как феномен сознания.

Такое сужение поля зрения происходило и на самых ранних этапах становления философии сознания, например в период, когда господствовали бихевиористские и социолингвистические воззрения на природу мышления. Здесь адекватное объяснение того, *чем является сознание*, происходило в результате введения различных ментальных понятий, смысл которых также нуждался в разъяснении, и это разъяснение понятий осуществлялось благодаря исследованию контекстов использования лингвистических форм. Кроме того, осознание реальной фундаментальности собственно ментальных понятий побуждало к поиску дополнительных средств анализа (философски обоснованных, но при этом достаточно простых). Поэтому аргументированность философского осмысления природы сознания в рамках социолингвистики (опирающейся на бихевиористские положения теории сознания) осуществлялось за счет сведения понятий, описывающих субъективные ощущения и переживания к понятиям, описывающим поведенческие диспозиции и коммуникативные отношения людей, а не за счет интроспекции. Лишь в последние десятилетия произошло освобождение философии сознания из плена философии языка, и не в последнюю очередь за счет интереса к результатам различных научных исследований природы сознания, учета изменений, происходящих в современной науке.

Этот поворот в исследовании проблемы сознания в настоящее время диктует не столько ревизию оценочных характеристик всех предшествующих результатов исследования сознания, полученных различными дисциплинами, сколько изменения в самом подходе к проблеме.

Исследовательские программы и границы сознания

Некоторые наметившиеся тенденции, на основании которых можно сегодня говорить о новом подходе к проблематике сознания, связаны с тем, что исследователи все реже заявляют о задачах формулирования широких теорий, но все чаще пользуются понятием «исследовательская программа». Подразумевается при этом, что для эффективного и плодотворного исследования необходимо также определение границ исследования. Другими словами, сохраняя в качестве актуального продолжающийся поиск ответа на вопрос «*что такое сознание?*» (в качестве сверхзадачи), ученые все чаще обращаются к определению границ, в которых будет осуществляться данное исследование. В свою очередь, этим обстоятельством обусловлен и выбор оп-

ределенных методов и конкретных подходов. При этом диапазон аргументов философско-методологического характера продолжает сохранять свою актуальность.

Определение границ исследования феномена сознания — вопрос не случайный для науки вообще и для комплекса биологических дисциплин, так или иначе соприкасающихся с поиском фундаментальных основ процессов, происходящих в мышлении и человеческом сознании. Поэтому одним из перспективных направлений исследования оказывается вопрос о границах сознания.

Уходя несколько в сторону от основной темы, стоит все же прояснить современные научные представления о границе биологической системы, коль скоро сознание может рассматриваться как феномен с определенными биологическими границами и определенными свойствами или целым конгломератом свойств. Чаще всего свойства сознания характеризуют такими понятиями, как феноменальность, интенциональность, самоактивность, моральность, свобода воли, ответственность и т.д. Но даже этот короткий перечень характеристик показывает, что изучение сознания исключительно естественно-научными методами существенно сужает представление о сущности и природе сознания, оставляя для философии широкое поле для собственных наблюдений. Однако современное естествознание также оставляет за собой право рассматривать сознание, например как элемент биологической системы. А это, в свою очередь, делает актуальным определение границы самой биологической системы.

Понятие границы сложной биологической системы формулируется на основании новейших представлений о границе, поэтому обращение к методам иных дисциплин, например к *методам современной топологии*, занимающейся исследованием самого общего формального понятия границы, в случае описания границы биологической системы представляется вполне уместным. При этом объектами исследования оказываются биологические системы, описываемые неodarвиновской эволюционной теорией.

Неodarвиновская модель рассматривает эволюционное изменение как вытекающее из спонтанного возникновения генной вариативности и фиксации вариантов в популяции посредством естественного отбора и генетического дрейфа. Эта модель образует определенные рамки для изучения эволюции механизма адаптации фенотипов, эволюции последовательностей цепочек генов и процесса видообразования. Тем самым представление о границе биологической системы оказывается связанным с объектами живого, которые исследуются на генетическом и популяционном уровнях. Следовательно, по-

нятие топологии генетической структуры определяется на глубинном уровне и корректируется терминами, с которыми работает эволюционная биология. Для уточнения понятия «*граница биологической системы*» используется представление о метрическом пространстве, как оно формулируется в эволюционной биологии. Здесь важным концептуальным конструктом (методом) являются так называемые структуры достижимости, или конфигурационные пространства (например, таковыми являются зоны головного мозга, ответственные за те или иные мыслительные операции или психические функции).

Метрическая топология как методология описания функционирования биологической системы в выделяемой «границе биологической системы» квалифицируется как центральное концептуальное понятие, призванное скорректировать наши представления об эволюционной динамике. Важным результатом комплексных исследований границы оказывается введение таких определений, как *понятие пространства форм*, понятие *малого расстояния* и понятие *соседства*, которые используются в описании биологической системы на уровне организации генотип-фенотип. Для методологии эти результаты исследования биологических систем важны, поскольку они помогают выделить и определить структуры достижимости в биологии. При этом введение новых уточняющих методологических понятий для уточнения представлений о границе призвано прояснить смысл этих результатов, а также скорректировать смысл общепринятой терминологии, поскольку их диапазон, как оказывается, часто преувеличен.

Использование новейших результатов, связанные с описанием границы биологической системы, применительно к вопросу о границах деятельности сознания может быть продуктивным при использовании не только собственно пространственных характеристик, но и пространственно-временных. Такой аспект рассмотрения подразумевает использование результатов физических наук и изучение феномена сознания в более сложной конфигурации пространство-время. Но это влечет за собой необходимость учитывать внешние факторы, каким-то образом организованные и способные как сохранить границы биологической системы, так и изменить ее.

Для философа, изучающего современное состояние знания в этой области (изучение когнитивных процессов, построение типологии сознания, описание феноменологических характеристик сознания, изучение свойств сознания, его границ и т.д.), важно то, что весь этот материал может быть интересен не только с точки зрения развития *науки о сознании*, но, прежде всего, для целей определения перспективы *философии сознания*. Эти перспективы можно конкретизировать

как задачу выявления методологической составляющей такого рода построений. По крайней мере, такова задача философского анализа совокупности результатов научного знания в этой сфере.

Методология исследования сознания имеет свою историю. Поэтому следует учитывать, что насущная необходимость в некотором виде предварительного анализа феномена сознания — например, в ретроспективе его научного освещения — не означает, что весь теоретический опыт исследования проблематики сознания (должен сводиться к анализу только *дефиниционному*, умножая (без особой надобности) сущностные характеристики или только перечисляя уже известные определения сознания. Скорее всего, такая работа не понадобится хотя бы потому, что эти известные дефиниции использовались для каждой конкретной цели и в каждом конкретном случае они были вполне уместны. Поэтому в нашем исследовании мы не будем давать определения тому, *что есть сознание*. Наоборот, опуская эти дефиниции, мы постараемся проследить развитие методологии исследования феномена сознания — и эта методология будет отражать современное состояние философии сознания.

Традиция и новации в философии сознания

Когнитивный подход к исследованию сознания, на котором настаивают современные философы, состоит в том, чтобы, исходя из рассмотрения самих когнитивных операций, выявить существующие связи (или указать на отсутствие этих связей) в границах сознания, понимаемого как биологическая система. При этом стоит обратить внимание на развитие или, напротив, на сохранение традиционных философских взглядов в описании природы, структуры и эволюции сознания.

Например, обращая внимание на тесную связь между физическим состоянием человеческого организма и психическими процессами, современный философ уже не может ограничивать свои наблюдения над проявлениями деятельности сознания единственным выводом о существовании связи между двумя мирами — природного и духовного, материального и идеального, телесного и духовного, физического и психического. Напротив, изначально философская по своему происхождению идея тождества физического и психического (идея единой сущности души и тела) со временем трансформируется в целую физикалистскую концепцию, для которой идея тождества

физического и психического предстает в виде концептуальной гипотезы, основанной на использовании метода редукции, в том числе в построении моделей человеческой психики.

Со своей стороны современная эпистемология признает тот факт, что существует тесная связь (и определенная зависимость) между конкретными состояниями сознания и соответствующим состоянием всей когнитивной системы человека.

Рассуждая о значении идеи тождества физического и психического в обосновании современной концепции сознания и определяя ее место в современной эпистемологии, И.П.Меркулов пишет: «Ее истоки восходят к хорошо известной идее, выдвинутой в свое время одним из пионеров экспериментальной психологии В.Вундтом, согласно которой каждое психическое явление имеет свое физиологическое измерение. Эта идея прекрасно иллюстрировалась известными явлениями покраснения, испарины, изменения сердечного ритма, дыхания и т.д., связанными с переживаниями и сильными эмоциями. Конечно, даже современные варианты гипотезы о тождестве физического и психического нельзя рассматривать как достаточно хорошо подтвержденные. ...Нельзя также отрицать ее эвристичности, поскольку без веры в наличие каких-то корреляций между психическими и физическими процессами невозможно осуществлять соответствующие поиски в нейробиологии, нейрофизиологии и т.д. Парадоксально, но факт: опираясь на эту гипотезу, были получены очень точные данные о физических эффектах сильных эмоций, о локализации зон мозга, связанных с некоторыми когнитивными способностями, с когнитивными типами мышления, о связи между функционированием мозга и некоторых желез (например, щитовидной железы) и т.д.»³.

Как можно заметить, здесь идея материального единства мира уже не представляется актуальной или нуждающейся в дополнительных аргументах для обоснования последней (например, необходимости редукции), в том числе и применительно к концепции сознания. В этом смысле психологи рассматривают сознание не с точки зрения его материальной природы, например, как социоприродный объект или феномен, но, провозглашая *принцип единства сознания и деятельности*, приходят к убеждению, что сознание является результатом развития человека. Сознание, согласно наблюдениям и выводам психологов, формирует внутренний план деятельности, его программу. Сознание «помогает улучшить ориентацию в отношении среды и повысить саморегуляцию... Поэтому именно сознание позволяет быть свободным и принимать решения, несмотря на инстинкты и побуж-

дения, наследственные черты и окружающее влияние... Нельзя забывать, что это не единственная и даже не основная форма переработки и хранения информации»⁴.

Более того, практически все высшие психические процессы вносят свой вклад в специфику организации сознания. Венцом развития высших психических функций является формирование самосознания. Такие качества, как границы константности внутренних образов сознания, свойства памяти и внимания, которые придают устойчивость нашим реакциям во времени, обеспечивая реализацию избирательности, — все эти качества направляются внутренними потребностями человека при любых переменных воздействиях извне, и именно эти качества психических процессов составляют необходимое условие развития самосознания.

Во всех случаях авторы, строящие свою аргументацию, исходя из признания этой идеи в качестве основополагающей, делают это все более осторожно и менее однозначно, например используют современную лексику и терминологию в описании деятельности нашего сознания.

Изучая различные формы проявления деятельности сознания как части целостной когнитивной системы, И.П. Меркулов также указывает на необходимость рассмотрения информационной природы сознания, во всяком случае, при рассмотрении вопроса о его происхождении. «Сознание, — согласно И.П. Меркулову, — это эмерджентное, информационное свойство когнитивной системы, которое, абсолютно не нуждаясь в мифических атрибутах “идеальности”, в принципе не может быть редуцировано к своему материальному субстрату (например, нейронным сетям мозга и т.п.), хотя, естественно, и зависит от него. При таком подходе к сознанию граница между биологией и физиологией человека, с одной стороны, и его психикой и мышлением — с другой, не оказывается столь уж принципиально непреодолимой. Психика и мышление — это эмерджентные феномены, относящиеся к информационным уровням функционирования когнитивной системы»⁵.

Конечно, мы должны понимать, что философия сознания в ее современной интерпретации может предусматривать возвращение к тем концепциям, которые были сформулированы в прошлом столетии и затем благополучно забыты или отброшены из научного обихода в силу различных обстоятельств. С другой стороны, облегчает ли нашу задачу возвращение старой терминологии и сращивание, казалось бы, несовместимых идей в отношении нашего понимания со-

знания? Отвечая на поставленный вопрос, стоит начать с того, чтобы прояснить смысл некоторых терминов, а также прояснить смысл некоторых позиций в отношении используемой терминологии.

Например, английское слово *emergence* (т.е. *возникновение, появление нового*) используется англо-американскими теоретиками в более широком смысле, чем его буквальное значение. Философская теория «эмерджентной эволюции», используя данный термин, прокламирует принципиальную непознаваемость и непредсказуемость возникновения качественно нового свойства, поскольку не признает появления нового как следствие проявления естественной закономерности развития. И хотя термин «эмерджентный» философы, в особенности те, кто занимается историей философии и обладает критическим мышлением, относят к терминам с определенным, устоявшимся смыслом, в частности понимаемом именно в контексте идей «эмерджентной эволюции», часто его расширительное использование подразумевает совершенно другие оттенки смысла. В этом случае нам следует признать, что «термин уже занят!». В иных случаях рассматривание сознания как «эмерджентного» свойства (иначе говоря, как качественно нового появившегося свойства) есть не что иное, как использование термина в его первоначальном, буквальном смысле.

Другое дело, когда речь идет об использовании данного термина в более широком контексте, например, когда речь идет о философии сознания *эмерджентизма*. «Не в его классической форме 20–30-х годов, представленной в философии Альфреда Уайтхеда, — пишет Н.С.Юлина, — а с обновленным языком, проблематикой и техникой. В нем сохраняется главный тезис, что ментальное является новым эмерджентным качеством, возникающим из физического, но не редуцируемого к нему. Идея эмерджентизма является центральной и в книге Джона Серля «Открывая сознание заново» (1992), и у многих других авторов. Однако очень многие критики справедливо замечают, что концепции эмерджентизма создают только иллюзию объяснения, вызывая не меньше вопросов, чем функционализм или теория тождества. Откуда и почему эмерджентизм? У Уайтхеда, широко пользовавшегося этим понятием для обозначения эволюционной новизны, оно было логичным в его системе: под ним было метафизическое основание — идея Бога или творческого процесса Вселенной»⁶. Современные эмерджентисты, старательно избегающие использования теолого-метафизических понятий, невольно оказываются в затруднении. Они не в состоянии дать ответ на вопрос, каким

образом от биологической новации возникает особая бытийственность сознания, способность все «означивать», придавать окружающему миру смыслы и создавать мир артефактов.

Концепция коэволюции, активно разрабатываемая в последнее время, заставляет обратить внимание еще на один аспект философии сознания — на взаимодействие сознания и окружающей среды. Эта концепция позволяет говорить о координированном развитии различных уровней сложной системы и их взаимодействии с развивающейся внешней средой. Если мы хотим рассматривать действительно развивающиеся системы, то принципиальная координация развития уровней и внешней среды необходима для полноты описания. Принимая определенные модели развития (эволюции) внешней среды и сложной биосистемы, мы должны учитывать изменение параметров взаимодействия среды и системы, их *коэволюционное* отношение, ведь взаимодействие системы и среды на каждом уровне приводит к формированию границы эволюционирующих, развивающихся биосистем. Коэволюционный аспект описания сложной системы приводит к введению в рассмотрение и описание новых факторов, влияющих на конкретную организацию границ системы.

С другой стороны, это влечет за собой необходимость рассмотрения каким-то образом внешних факторов, способных как сохранить границы биологических систем, так и изменить их, что приводит к изменению связи с фенотипом, т.е. следует рассматривать развивающиеся системы и их взаимодействие с внешней средой, например, с помощью концепции *интеракционизма*. Под интеракционизмом в теории развивающихся систем в общем случае часто просто подразумевают рассмотрение отдельных вещей или категорий (врожденное и приобретенное, тело и разум, биология и культура), способных влиять друг на друга, но существующих как таковые отдельно друг от друга.

Более сложная концепция *конструктивного интеракционизма* (предложенная С.Оямой⁷) предлагает рассматривать концепции *взаимодействия* и *системы* в контексте взгляда на развитие и эволюцию как конструктивных процессов. При этом следует проводить различие между границей объекта и более обширными границами каузального комплекса, для которого и в котором этот объект создан. Так как подход на основе развивающихся систем избегает обычного рассмотрения развития и эволюции как контрастирующих типов процессов: одного, контролируемого изнутри («запрограммированного»), а второго снаружи («случайного», «исторического»), то смысл конструкции схож для обеих — это появление с течением времени продук-

та взаимодействия. В этом смысле они не предопределены, но эмерджентны: гены (или даже клетки) не содержат плана организма, который, в конце концов, возникает из каузального комплекса, включающего в себя эти гены, клетки, сам организм и его окружение, а окружение (среда) не представляет собой нишу, эволюционирующую вместе со своим экологическим окружением.

Однако интеракционистское рассмотрение взаимодействия сознания и окружающей среды не может ограничиваться лишь его биологическими аспектами. По мнению Д.Деннета, все поиски разгадки тайны сознания и нейрофизиологами, ищущими в мозгу ответственный за сознание «главный нейрон», и физиками, ищущими сознание в явлениях квантовой механики, являются методологическими заблуждениями и не достигают своей цели. Он замечает в этой связи: «каждое человеческое сознание, на которое вы когда-либо обращали внимание, включая, в частности, и ваше собственное, рассматриваемое вами “изнутри”, — это не только продукт естественного отбора, но и результат культурного переконструирования огромных масштабов. Легко понять, почему сознание кажется загадочным тому, кто не имеет представления обо всех его составляющих частях и о том, как они создавались. Каждая часть имеет долгую историю своего конструирования, иногда длиной в миллионы лет»⁸. Поэтому следует обязательно учитывать главное — содержательный, когнитивный аспект сознания, как мысли себя мыслят в языково-культурной, социальной среде.

Сознание и символический интеракционизм

Человек познает и одновременно осознает то, что он познает. При этом ассоциативное мышление усваивает культурные и социальные стереотипы, делая их узнаваемыми и адекватными. «Узнавание» (или опознание) знакомых элементов (имен предметов, знаков, символов) окружающей действительности оказывается возможным благодаря способности к целостному восприятию мира. При этом отдельные элементы мира воспринимаются человеком в их целостности только как адекватные тому, что воспринято в процессе его тесного контакта с другими, то есть благодаря социальным контактам и коммуникации.

Психические процессы, проявление которых мы выделяем в качестве феноменов, наблюдая за развитием ребенка: восприятие, память, внимание, речь, мышление и эмоции являются различными гранями сознания. Сознание объединяет в себе все эти психические процессы и не может существовать без любого из них. Практически

все психические процессы вносят свой вклад в специфику организации сознания, но именно благодаря сложному процессу взаимодействия эмоций, мышления, памяти и, в особенности, речи формируется сознание.

Однако особое место в структуре сознания занимает «символическая интерактивность». Термин «символическая интерактивность» подразумевает определенную форму восприятия, взаимодействия с окружающим миром, в которое был дополнительно введен процесс интерпретации символического содержания интерактивности.

Сущность символической интерактивности состоит в том, что между индивидуумом и действительностью лежит система смыслов, которые она приписывает элементам окружающей среды (как материальным объектам, так и абстрактным идеям)⁹. Использование термина «символическая интерактивность» предполагает также описание процессов получения смыслов, связывая это явление с социальной интерактивностью. Это позволяет рассматривать отношение между элементами интерактивности как такое взаимоотношение, которое не до конца детерминировано культурой и которое, тем не менее, оставляет участникам возможность осуществлять согласование (достигать понимания и взаимопонимания) в процессе диалога. Эти согласования как раз и являются исходным пунктом в создании новых смыслов в результате коммуникации (как с партнерами, так и с окружающим миром, а в качестве последнего чаще всего выступает социальный мир).

Любая интерпретация, осуществляемая в акте коммуникации, отделяет субъекта от коммуникативного символа. Последний посредничает между партнерами, сам, однако, не принадлежа к восприятию ни одного из них. В то же время *символ*, используемый в интерактивном процессе, представляет собой форму взаимного восприятия участников — с этой целью он становится предварительно интерпретированным, а содержание передаваемого смысла при этом само становится предметом его дальнейшей интерпретации. Сама по себе идея взаимности — как определяющая — является общей для всех концепций интерактивности.

Среди социологических определений интерактивности наиболее убедительным представляется то, согласно которому под интерактивностью понимается «*общественное действие, происходящее между индивидами, ... в котором они для себя являются предметами действия*»¹⁰ (или объектами). Для того чтобы один партнер увидел другого как объект, он придает ему смысл (понимает этого другого), который, со своей стороны, позволяет первому партнеру определить вид поведе-

ния, к которому тот может прибегнуть. Этой же самой процедурой воспользуется и другой партнер, приписывая смысл действиям первого. Следствием подобной «взаимности», превращающей интеракцию в социальный акт, в прямом смысле этого слова, является концепция *указаний самому себе* в процессе протекания интеракций, нацеленных на ее последующее развитие. Это означает, что интерактивная деятельность является не реагированием типа «раздражитель-реакция», но разворачивающейся во времени и пространстве конструкцией. Конструированию подлежит предмет деятельности, наделенный смыслом в результате указания (*самому себе*); полученный смысл модифицируется в ходе позднейших оценок под влиянием контекстов интеракции.

Интерактивная деятельность протекает постепенно, шаг за шагом, по мере разворачивания ситуации диалога, причем на каждом этапе взаимного согласования действующий (участник диалога, партнер) оценивает смысл ситуации. Из-за этого символическая интеракция неминуемо приобретает интенциональное измерение. Это происходит потому, что каждый из партнеров стремится к своим целям, действуя в силу собственного понимания намерений другой стороны, а также в силу объективных условий, независимых от участников диалога.

Внутренняя природа предметов окружающей действительности, на которые направлено сознание, не содержит семантического аспекта; это измерение выражает свойство действия индивидуума, вовлеченного в процесс социальной коммуникации.

Знаки соотносятся с действительностью (отношения между знаками и их потребителями) — их окончательный смысл и вызванные ими результаты в действиях участников коммуникации считаются тождественными. Дело в том, что знак всегда адресован кому-то; он должен быть понимаем получателем. По мнению интеракционистов, смысл знака не может быть переменным или произвольным в процессе передачи (смысла этого знака) отдельными индивидами. Смысл знака формируется в результате взаимных социальных действий людей (и знаков), преобразуясь, превращаясь тем самым в общественное явление.

Структура символической интеракции позволяет рассматривать происходящие в интеракции процессы через построение субъектами взаимно осмысленного пространства, в котором осуществляется понимание его как «текста». Конструкция смысла требует от обеих сторон погружения в восприятие события, рассматриваемого как смысл, образованный создаваемым текстом. Нахождение понимания делается здесь возможным благодаря достижению минимума согласо-

ния между партнерами по отношению к данному погружению восприятия каждого из них в «событие понимания». Темпоральное измерение диалога инициирует избирательность в отношении полисемии символических средств выражения контекста, каждый из которых включается в интеракцию в качестве элемента смысла, на который направлен диалог. Текстуализация контекста (в акте коммуникации) переносит понимание из интеракции в пространство дискурса, в котором субъекты учитывают речь и внеречевое поведение партнера, «концепцию самого себя», а также предполагаемое ожидание, что будут поняты не только они сами, но и смысл ситуации в целом. Все эти элементы процесса понимания присутствуют в интеракции как последовательная смена смыслов, составляя смысл целостности.

Согласно точке зрения *интерпретативного символического интеракционизма*, придание смысла явлениям объективной действительности (придание смысла явлениям, создаваемым посредством сознания) опосредует отношение человека к окружающему его миру объектов. Специальную роль в процессе подобного посредничества играет как конструктивный *смысл самого себя*, так и *концепция самого себя*.

Самой этой концепцией мы обязаны взглядам Джона Дьюи, касающимся процесса выделения «человечности» (термин Дьюи) в процессе эволюции и становления социализации. Джордж Герберт Мид (1863—1931), восприняв основные идеи Дьюи, конструирует аналитическую схему, в которой социальное действие рассматривается как первичное по отношению к сознанию. С этого момента общественное действие становится признанным необходимым условием, как сознательного действия, так и индивидуального самосознания¹¹.

Этот тезис интеракционизм обосновывает, обращаясь к процессу так называемой первичной социализации. В процессе социализации происходит введение объектов общественного мира в сферу индивидуального восприятия. Этот процесс происходит при посредстве *значимых Других*, которые символически означают очерченные предметы, указывая тем самым на них и устанавливая их взаимные связи.

Изначально установленные отношения между *собой* (между внутренним *Я*, самосознанием *себя*) и указываемыми *объектами* протекают в среде, эмоционально сильно насыщенной. В соединении с детским *протореализмом* это приводит к довольно длительной ориентации относительно понимания смыслов и получения дефиниций, идущих от более поздних интерактивных партнеров (индивидуальных и групповых)¹².

Фаза первичной социализации заканчивается выделением среды смыслов окружения такой *концепции самого себя*, которая была бы оцениваема индивидом как относительно независимая от влияний так называемых актуальных партнеров. Они становятся сведенными к специальным манифестациям «*обобщенного Другого*», чей смысл дорисовывается воображением под влиянием интерактивного восприятия. Располагающий *концепцией самого себя* индивидум уже находится в таком состоянии, что готов дать *самому себе* указания относительно протекания интеракции. С этой развивающейся способностью социологи связывают также умение «прочитывать» смысл действий партнера, а также умение приспособить к ним (к этим «прочитанным» смыслам) собственные действия.

Способность «давать самому себе указания» самовоспринимается, осознается и трактуется как процесс, в котором индивид ставит себя в конфронтацию с внешним миром. Эта способность подразумевает также непрекращающееся перетекание информации, позволяющее наблюдать объекты, оценивать их и наделять их смыслом.

Интерпретативный интеракционизм, в отличие от других подходов, не редуцирует процесс получения «*указаний самому себе*» ни к давлению среды, ни к реализации длительных психических диспозиций; он всегда остается результатом своеобразного способа, которым индивидум преобразует в интерпретацию воспринимаемое содержание, и *сам внутри себя* составляет отдельный предмет собственного наблюдения и исследования.

Эта идея рефлексивности как свойства человеческого сознания составляет основу формулировки положения о возможности восприятия собственного смысла аналогично смыслам других предметов. Обладая этой творческой способностью (понимать *себя* и/или *других*), личность также способна создавать *проект смысла*, который придает ей или сообщает ей интерактивный партнер. В процессах создания и модификации такого восприятия (выражаемого теоретической категорией «принятие роли») содержится возможность измерения взаимности понимания, которое определяет интеракцию.

Категория «концепция самого себя» в значении, принимаемом в интерпретативной социологии, истолковывает индивидуальную личность как смысл, подключаемый в процессе диалоговых согласований к проекту интерактивных отношений. Конструкция самого себя сохраняет субъективную реальность лишь тогда, когда очередные, разрабатываемые в текущих интеракциях «тексты» строят совместно с ней образы собственного смысла. С этой целью генезис этой категории следует характеризовать как существенно интерактивный, а ее

лабильность как потенциально неограниченную. Препятствием же к преобразованиям внутри «концепции самого себя» является предрасположенность к использованию связи додискурсивного опыта нашего мышления с дискурсом коммуникации или — согласно приятному определению — этим препятствием является *предпонимание*. Понятие предпонимание, введенное в описание процесса интерпретации, указывает на предпочтение субъективности ощущения интерсубъективности понимания; оно указывает на процедуры, ограничивающие диапазон возможных преобразований. Создание интерактивного «текста» (осознаваемого как нечто нами понимаемое) становится тогда постоянной самоинтерпретацией, которая использует зазор между семантическими полями семантических коммуникативных понятий и осознанием их возникновения из пограничного дискурса. Такое свойство диалоговой интерпретации делает возможным согласование смысла, содержащегося в концепции самого себя, со смыслом совместно создаваемого «текста».

* * *

Подводя итоги, можно сказать в духе последнего параграфа, что негативную оценку состояния проблемы сознания, выражавшуюся в заявлениях о том, что тайна сознания так и остается тайной, что пролиферация теорий свидетельствует об отсутствии общепринятой точки зрения на проблему сознания, что усиливающаяся интервенция ученых в традиционные области философии сознания является отражением неудач философов и т.п., не стоит принимать в качестве констатации действительного положения дел. Скорее всего можно считать, что процесс диалога исследователей феномена сознания и самого феномена сознания вступил в очередную фазу пересмотра диалоговой интерпретации и согласования смысла, содержащегося в концепции самого себя отдельных течений и направлений философии сознания, со смыслом совместно создаваемого «текста». Текст этот велик и постоянно перестраивается, проследить все аспекты этой перестройки представляется практически невозможным. Поэтому, наверное, стоит обратить больше внимания на методологические инварианты конструирования этого текста, что позволит хотя бы выдвигать догадки о будущих возможных смыслах такого элемента этого текста как феномен сознания.

Примечания

- ¹ Меркулов И.П. Когнитивная модель сознания // Эволюция. Мышление. Сознание. М., 2004. С. 36.
- ² Статьи этих авторов см. в книге: Эволюция. Мышление. Сознание. М., 2004. 349 с. Кроме того, новейшие результаты исследований этих авторов представлены в настоящем издании.
- ³ Там же. С. 37.
- ⁴ Грановская Р.М. Элементы практической психологии. СПб., 2000. С. 294.
- ⁵ Меркулов И.П. Когнитивная модель сознания. С. 55–56.
- ⁶ Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания. М., 2004. С. 42.
- ⁷ Oyama S. Boundary Issues // Boston Colloquium for Philosophy of Science. Explanatory Models in Developmental Biology. Boston. October 15. 2001.
- ⁸ Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004. С. 158.
- ⁹ См.: Ziolkowski M. Znaczenie, interakcja, rozumienie. Studium z symbolicznego interakcjonizmu i sociologii fenomenologicznej jako wersji sociologii humanistycznej, PWN. Warszawa, 1981. S. 96–97.
- ¹⁰ Halas E. Społeczny kontekst znaczeń w teorii symbolicznego interakcjonizmu. Redakcja Wydawnictwa KUL, Lublin, 1987. S. 76.
- ¹¹ См.: Mead G.H. Mind, self and society. Chicago, 1934.
- ¹² См.: Tucker C. Some Methodological Problems of Kuhn's Self Theory // Symbolic Interaction. P. 304.